
УДК 821. 111

ББК 83. 3 (4 Вел)

Н 27

Напцок Б.Р.

*Кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики
Адыгейского государственного университета, e-mail: bella@maykop.ru*

«Сверхъестественные» образы в трагедии У. Шекспира «Макбет» (Рецензирована)

Аннотация:

Исследуется проблема «сверхъестественных» образов в трагедии У. Шекспира «Макбет» – Призрака Банко, призраков «головой в шлеме», «окровавленного младенца» и других. После рассмотрения особенностей «готической» образности в шекспировском произведении были проанализированы эпизоды «явлений призраков», определены специфика образов «восставших мертвецов» и их значение в сюжетном развитии, в философской проблематике и в системе персонажей. Главным становится вывод о том, что образы призраков помогают раскрыть философский смысл трагедии: олицетворяя добро и справедливость, они воздействуют на опустошенную злом душу главного героя.

Ключевые слова:

У. Шекспир, трагедия «Макбет», сверхъестественные образы, призраки, Макбет, Банко, образы «восставших мертвецов», философские проблемы, английская «готическая» традиция.

Naptsok B.R.

Candidate of Philology, Associate Professor of Literature and Journalism Department, the Adyge State University, e-mail: bella@maykop.ru

«Supernatural» images in W. Shakespeare's tragedy of «Macbeth»

Abstract:

The paper addresses «supernatural» images in W. Shakespeare's tragedy of «Macbeth», namely: Banquo's Phantom, the phantoms of «a head in a helmet», «the blood-stained baby» and others. After consideration of features of «Gothic» figurativeness in Shakespearean tragedy the author analyzes episodes of «phantom appearance», defines specificity of images of «the risen dead persons» and their value in subject development, in a philosophical problematic and in a system of characters. It is inferred that images of phantoms help the reader to open philosophical sense of tragedy: personifying good and justice, they influence the soul of the protagonist devastated by harm.

Keywords:

W. Shakespeare, tragedy «Macbeth», supernatural images, phantoms, Macbeth, Banquo, images of «the risen dead persons», philosophical problems, English «Gothic» tradition.

В трагедии У. Шекспира «Макбет» («*Macbeth*», 1606) объединены три исторических события, не связанные друг с другом, – восстание Макдональда, вторжение в Шотландию норвежского короля Свено и нападение на шотландцев войск Канута. Опираясь на три книжных источника – «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда, «Разоблачение колдовства» Р. Скотта и «Демонологию» короля Джеймса, английский драматург трансформировал историю и посвятил свое произведение личности шотландского тана Макбета. Шекспир создал трагедию о том, как мировой порядок в природе, государстве и обществе был нарушен злыми силами, как ими был захвачен королевский трон, а в финале со смертью узурпатора этот порядок был восстановлен.

Как и в трагедии «Гамлет», в «Макбете» в качестве героев выступают духи, или призраки. По традиции ренессансного театра они становятся не только существами из потустороннего мира, но и носителями философских проблем человеческого бытия – добра и зла, мира и вражды, преступления и наказания.

«Сверхъестественное» (фантастическое) население трагедии У. Шекспира «Макбет» включает в себя образы призраков «невинно убитых людей», или «восставших мертвецов». Они противостоят ведьмам, олицетворяющим страсти Макбета и являющимся источником зла. Призраки напоминают герою о его страшных преступлениях, о вопиющей бесчеловечности, будоражат его беспокойную совесть, наконец дают ему возможность понять, что он стоит перед глубокой моральной бездной. Не случайно, наполняясь ужасом от совершенных злодеяний, Макбет в какой-то момент произносит: «*Or to hell*» // «*Или в ад*» (перевод мой – Б.Н.) [1: 138].

В шекспировском «Макбете» представлено несколько «сверхъестественных» образов – Призрак Банко, призраки

«голова в шлеме», «окровавленный младенец», «дитя в короне с ветвью в руке» и др. Призраки как будто находятся вне действия или над ним. Самым значимым для сюжетного развития трагедии является Призрак Банко. Это не служебная, проходная фигура и не обособленный персонаж, иногда по ходу действия появляющийся на сцене, а загадочный арбитр совести павшего воина. Полководец Банко был другом и соратником Макбета, однако после предсказания ведьмами будущей власти Банко его убивают наемники.

«Восставший мертвец», или Призрак Банко, появляется в трагедии У. Шекспира два раза. Его первое появление происходит в четвертой сцене третьего акта. Построение данной сцены нередко вызывает дискуссии среди постановщиков пьесы. Актер, исполнявший роль призрака, мог выглядеть как живой человек, правда, стремился показать неземной «готический» облик персонажа через особый грим и одеяние в виде белого или черного плаща [2: 39]. Некоторые театры вообще не выводили призрака на сцену, а использовали различные технические способы и сценические спецэффекты, чтобы как-то «дематериализовать» его. К примеру, роль Призрака не исполнялась конкретным актером, а на сцену, где стоял стул для Банко, направлялся луч фиолетового цвета. Загробный «нечеловеческий» голос, якобы из другого мира, произносил текст речей Призрака. Таким образом режиссеры обращали внимание зрителей на таинственного героя-призрака.

Режиссер К. Зубов, ставивший «Макбета» в Малом академическом театре, говорил об этом с категоричностью: «Мы считаем, что появление призрака будет мешать, отвлекать внимание зрителей от Макбета» [3: 56]. Однако опыт постановки Шекспировского Мемориального театра в Англии, когда Призрак выходит на авансцену, доказывает, что для подобных сомнений не может быть места, если,

разумеется, исполнитель роли Макбета достаточно талантлив, чтобы привлечь к себе зрителей.

Эпизод появления Призрака Банко воплощает собой идею окончательно разрыва Макбета с человечеством. На сцене декорации: под тяжелыми островерхими сводами пиршественного зала, глубина которого тонет во мраке, длинный, почти во всю ширину сцены, стол, уставленный кубками, озаренный неверным светом факелов. За столом, на возвышении – троны короля и королевы.

Действие начинается с радушного приветствия Макбетом собравшихся гостей и его заявления: *«Хозяин скромный, // Я сяду среди вас»* / *«Ourself will mingle with society // And play the humble host»* [4: 227], [1: 136]. Макбет выражает притворное сожаление об отсутствии Банко. Он говорит о друге почти спокойным голосом, но в это время настороженно оглядывается вокруг. В его словах – не желание выказать свое злодейское бесстрашие, а возможность убедить самого себя в победе над Банко.

После того как в зал входят наемные убийцы, которые тайно сообщают Макбету о смерти Банко и бегстве Флиенса, из-за левой кулисы эффектно появляется Призрак убиенного. Его внешний облик и движения должны пугать и ужасать зрителей: на лице, сохраняющем застывшее выражение предсмертной агонии, – кровавое пятно. Призрак Банко смотрит на Макбета неподвижным, остекленевшим взглядом, затем медленно подходит к середине стола и опускается на свободную скамью спиной к зрителям.

Призрак Банко загадочен и неоднозначен, он виден только Макбету и зрителям. В страхе убийца просит жену: *«Взгляни туда! Ты видишь? Что ты скажешь?»* [5: 524]. Та упрекает его в малодушии. Явление Призрака бывшего соратника, ставшего соперником, вызывает вполне понятную реакцию у Макбета. Сначала он пытается оправдать себя и до-

казать непричастность к физическому падению на Банко, затем приходит в некоторую растерянность. Макбет понимает, что удар ножа еще не освобождает убийцу от его жертвы.

Терзаемый совестью, Макбет обращается к самому Призраку:

Чем мне кивать, скажи мне лучше, дух,

Чего ты хочешь? [5: 524].

Однако ответа нет. После бесплодных попыток поговорить с Призраком Макбет восклицает:

*Если те, кого мы похоронили,
Будут вставать из своих склепов,
Пусть нам усыпальницами будут
желудки стервятников!* [4: 230].

После этих слов дух внезапно исчезает, но он будоражит больную совесть Макбета, заставляет задуматься над природой убийства:

*Кровь лили и тогда, когда закон
Еще не правил диким древним миром;*

*И позже леденящие нам слух
Убийства совершались. Но, бывало,
Расколют череп, человек умрет –
И тут всему конец. Теперь покойник,*

На чьем челе смертельных двадцать ран,

Встает из гроба, с места нас сгоняя ... [5: 524].

Строка о том, что было время, когда человеческий закон «еще не правил диким древним миром» (*«Ere human statute purged the gentle weal»*), напоминает нам о характеристике, данной Макбету его женой: он вспоен «молоком человеческой доброты». В обоих отрывках слово «человеческий» (*«human»*) означает еще и «человечный» (*«humane»*). Таким образом, фраза о человеческих законах (*«human statute»*), в сочетании со словами *«gentle weal»* («благородное, доброе общество»), подразумевает одновременно и законы, созданные человеком, и законы гуманные, проникнутые заботой о благе ближнего.

Однако под влиянием жены Макбет вспоминает, что должен играть иную роль, соответствующую индивидуалистической точке зрения на человека, которой ему, вследствие совершенных им преступлений, все труднее избежать.

Шекспир показывает, что героем овладевает желание проверить, действительно ли призрак убитого будет появляться всякий раз при его упоминании. Макбет провозглашает тост за присутствующих гостей и якобы отсутствующего Банко. В доказательство представления о том, что существо из потустороннего мира возвращается тогда, когда его зовут, Призрак появляется вторично и так же неторопливо, как в первый раз, усаживается на свою скамью. Его возвращение знаменует собой кульминацию драматического действия всей шекспировской трагедии.

Макбет в ужасе восклицает:

Сгинь! Скройся с глаз моих! Пускай земля

*Тебя укроет. Кровь твоя застыла,
Без мозга кости и, как у слепых,
Твои глаза [5: 524].*

Психологическое напряжение нарастает. Очередное появление Призрака вызывает у Макбета массу противоречивых эмоций, отражающихся и в его поведении, и в мимике, и в жестике. Монологу Макбета предшествует пантомимная сцена: будто незримая сила вскидывает Макбета на стол; он стоит в странной позе, широко расставив немного согнутые в коленях ноги и раскинув в стороны руки со скрюченными судорогой пальцами. Поведение Макбета, его лицо с печатью нечеловеческого страдания, его будто невидящие, наполненные животным ужасом глаза, его голос яснее всяких слов показывают, как страшен ему Призрак. Затем почти срывающимся голосом выкрикивает он угрозы и уверения в том, что не боится Банко:

*Я смею все, что может сметь
мужчина.*

*Явись в любом другом обличье мне –
Как грозный носорог,
или тигр гирканский,
Или медведь косматый из России –
И я не дрогну ни единой жилкой;
Воскресни, позови меня в пустыню
На смертный бой и, если я сробею,
Игрушкою девчонки объяви.
Сгинь, жуткий призрак!
Прочь, обман! [5: 525].*

Призрак Банко исчезает .

Не случайно в своем монологе Макбет упоминает животных, ведь в результате совершенных поступков он приобретает качества, присущие им. Даже хищные звери не страшат его так, как Призрак. В финале сцены герой как будто теряет рассудок от страха и ужаса и, когда приходит в себя, недоуменно и испуганно смотрит на свои руки, затем медленно переводит взгляд на стол, на лица гостей и только после этой затянувшейся паузы словно выдавливает из себя слова: «Ну вот. Он ушел, и я снова человек» [5: 525].

Сначала Макбет сомневается в реальности Призрака. Произнося «воскресни», он обращается к нему как к мертвой, нереальной «жуткой тени» («*horrible shadow*»). Приказывая Призраку удалиться, Макбет называет его «обманом» («*unreal mock'ry*»). Призрак исчезает, будто понимая, что чувство вседозволенности окончательно побеждает в душе Макбета.

Макбет объявляет о своем намерении отправиться к ведьмам, чтобы узнать «все, хотя бы наихудшее» («*By the worst means the worst*»). Он утверждает новую жизненную установку:

По мне все средства хороши отныне:

*Я так уже увяз в кровавой тине.
Что легче будет мне вперед шагать,*

*Чем по трясине возвращаться
вспять [5: 526].*

Духи, вызванные ведьмами, сообщают, что основным противником и убийцей Макбета станет Макдуф. В этом герое

типизирована антииндивидуалистическая точка зрения. Именно с ним ассоциируется призрак «окровавленного младенца», символ сострадания и «молока человеческой доброты», а также все сильного будущего (то есть символ, который впервые появляется в уже цитированном сравнении Макбета, в седьмой сцене первого акта). Первый призрак – «голова в шлеме», внушает Макбету, чтобы он страшился Макдуфа. Второй призрак – «окровавленный младенец», под которым подразумевается Макдуф, до срока вырезанный из чрева матери, говорит Макбету:

Be bloody, bold, and resolute; laugh to scorn

The pow'r of man, for none of woman born

Shall harm Macbeth [1: 145].

Лей кровь и потирай людской закон.

Макбет для тех, кто женщиной рожден,

Неуязвим [5: 532].

Совет попирать людской закон («*the pow'r of man*»), очевидно означает попрание законов людей в обществе. Однако этот же совет может означать и попрание законов, установленных одним человеком, законов честолюбца и индивидуалиста, то есть самого Макбета.

Третий призрак – «дитя в короне с ветвью в руке» («*Child Crowned with a tree in his hand*» – Малькольм) дает совет, который формально должен еще больше утвердить Макбета в его эгоцентризме. Но этот совет также связан с точкой зрения на человека, все больше ассоциируемой с Макдуфом:

Будь смел, как лев. Да не вселят смятенъе

В тебя ни заговор, ни возмущенье:

Пока на Дунсинанский холм в поход

Бирнамский лес деревья не пошлет,

Макбет несокрушим [4: 241].

После вопроса Макбета: «*Род Банко будет ли царить в стране?*» – ведьмы вызывают духов восьмерых королей, по-

следний из которых идет, держа в руках зеркало. За процессией следует Призрак Банко. Восемь идущих королей – это будущие потомки Банко. Зеркало в руке последнего отражает процессию, удваивая количество представителей королевского рода. Следует заметить, что Банко считается основателем шотландской королевской династии Стюартов.

В ужасе от увиденного Макбет кричит:

Ты чересчур похож на Банко! Сгинь!

Глаза мне колешь ты своей короной.

Второй похож на первого. За ним

Еще один! Все три – одной породы.

Проклятые колдуньи, для чего

Меня вы злите видом их? – Четвертый!

Чтоб я ослеп! До Судного ли дня

Продлится эта ветвь? – Какой-то новый!

Седьмой! Я больше не хочу смотреть!

Но в зеркале я вижу у восьмого

Сплошную вереницу королей

Со скипетром тройным, с двойной державой.

И зрелище – не сказка. С торжеством

Дух Банко мне показывает пальцем

На правнуков своих [5: 534].

Показательно, что после первого появления Призрака Банко Макбет признается, что «его ум полон скорпионов». Ему кажется, что причина этого – страх перед Призраком. Он обращается к ночи с мольбой разорвать «невидимой кровавой рукой великую связь» – причину его страха. Под «великой связью», очевидно, подразумевается связь одного человека с другими людьми, его союз с обществом, с человечностью, с совестью. Макбет завершает призыв к ночи сентенцией-обобщением: «*Все, что начато дурно, укрепляется с помощью зла*» [5: 534].

Дальнейшее поведение Макбета свидетельствует о том, что «великая связь» еще не порвана окончательно. Призрак

Банко терзает героя, и в его речи рождается странное обобщение: кровь проливалась и в древние времена, но раньше, когда люди оставались без мозга, они умирали. Теперь «они встают снова». Образ «воскресающих мертвецов» повторяется в тот момент, когда ведьмы успокаивают Макбета двусмысленными предсказаниями. В тексте фолио Макбет восклицает: «Мятежные мертвецы, не поднимайтесь никогда, пока не встанет Бирнамский лес» [6: 89]. В большинстве изданий и соответственно в переводах образ «мятежных мертвецов» утрачен. Победила более упрощенная трактовка Теобальда – Ханмера, как будто Макбет боится мятежа. Между тем для Шекспира метафора «мятежные мертвецы» полна глубокого смысла. Она связана с предшествующими мыслями Макбета о последствиях убийства в древности и в новое время: примитивное сознание дикарей не знало подобных мучений, тогда не было идеи воскресения из мертвых, не было подобных мук совести, убийство было простым делом, оно не влекло за собой столь тягостных последствий. Эти размышления героя порождены, по замыслу драматурга, не только религиозными идеями нового христианского вероучения, заповедью «не убий», но и более утонченной природой человеческих отношений, когда «великая связь» между людьми оказывается более могущественной, чем жестокие дела.

В своем монологе Макбет подводит итог жизни:

*Завтра, завтра, завтра, -
А дни ползут, и вот уж в книге жизни
ни
Читаем мы последний слог и видим,
Что все вчера лишь озаряли путь
К могиле пыльной. Дотлевай, ога-
рок!
Жизнь – это только тень, комеди-
ант,
Паясничавший полчаса на сцене
И тут же позабытый; это по-
весть,
Которую пересказал дурак:*

*В ней много слов и страсти, нет
лишь смысла* [5: 555 – 556].

По мнению комментаторов текста «Макбета», образ Призрака Банко имеет спорное толкование. Одни из них утверждают, что леди Макбет также видит Призрака Банко, но не выдает своего ужаса. Другие говорят о том, что Банко не появляется здесь совсем, так как его дух – это такая же галлюцинация Макбета, каким был раньше в пьесе кинжал.

Однако трактовка, сводящая «сверхъестественные» образы и явления в шекспировской трагедии к галлюцинациям и проецированным сокровенным желаниям, может быть применима лишь к кинжалу, который указывает Макбету путь в спальню Дункана. Что же касается Призрака Банко, то его появление вряд ли виделось драматургом как плод болезненного психического состояния или галлюцинация Макбета. Ведь большинство зрителей, для которых создавал Шекспир свою пьесу, несомненно, верило в реальность этого персонажа – «восставшего мертвеца», или духа и призрака.

Итак, образы Призраков, или «восставших мертвецов», в «Макбете» У. Шекспира играют важную роль. Призраки в шекспировской трагедии выражают благородные нравственные мучения Макбета. Обладая сверхъестественной способностью являться и исчезать, они напоминают ему об ужасных деяниях – о вероломном предательстве и коварных убийствах. Призраки как будто пытаются загнать Макбета в ловушку собственной совести и тем самым остановить его властолюбивые устремления. В какой-то момент существам из иного мира это удается, и Макбет выступает перед зрителями как трагический герой, находящийся в плену своих губительных страстей. Однако в конечном итоге Макбет «преодолевет» терзания совести и продолжает идти по избранному пути господства. Призраки исчезают, не появляются больше, когда Зло побеждает в Макбете человека,

когда сбываются пророчества ведьм, когда герой преодолевает страхи и угрызения совести и начинает действовать расчетливо и хладнокровно.

Образы Призраков помогают раскрыть философский смысл трагедии «Макбет». Они олицетворяют силы добра и справедливости, пытающиеся воздействовать на опустошенную злом душу

главного героя. Макбет окончательно разрывает связи с людьми, и в финале его эгоцентризм приводит не только к чувству самоотчуждения, но и к полной утрате личности. Другими словами, трагический герой «перерождается» в «готического» злодея с трагической судьбой, в преступника, разорвавшего все связи с человечеством.

Примечания:

1. Шекспир У. Две трагедии («Гамлет», «Макбет»): на англ. яз. / сост. А.Т. Парфенов. М.: Высш. шк., 1985. 286 с.
2. Напцок Б.Р. Образ Призрака в «Гамлете» У. Шекспира: на пути к «готической» литературной традиции // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение, 2009. Вып. 1. С. 38-43.
3. Морозов М.М. Театр Шекспира. М.: Прогресс, 1984. 304 с.
4. Шекспир В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Гамлет. Макбет. Король Лир: трагедии. М.: Мир книги, 2001. 432 с.
5. Шекспир В. Трагедии. Сонеты. М.: Худож. лит., 1968. 782 с.
6. Комарова В.П. Метафоры и аллегории в произведениях У Шекспира. Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.

References:

1. Shakespeare W. Two tragedies («Hamlet», «Macbeth»): in English / comp. by A.T. Parfyonov. M.: Vysshaya shkola, 1985. 286 pp.
2. Naptsov B.R. The image of ghost in W. Shakespeare's «Hamlet»: on the way to «Gothic» literary tradition // The Bulletin of the Adyghe State University. Series of Philology and the Arts, 2009. Issue. 1. P. 38-43.
3. Morozov M.M. Shakespeare's theatre. M.: Progress, 1984. 304 pp.
4. Shakespeare W. Collected works: in 4 vol. Vol. 1. Hamlet, Macbeth. King Lear: tragedies. M.: Mir knigi, 2001. 432 pp.
5. Shakespeare W. Tragedies. Sonnets. M.: Khudozh. Lit., 1968. 782 pp.
6. Komarova V.P. Metaphors and allegories in Shakespeare's works. L.: The Publishing House of LSU, 1989.